

*Посвящается моей сестре, Келси,
певчей птичке, чей смех и улыбка
могли бы избавить мир
от его демонов.*

*Пришла в этот мир последней из трех
Сквозь дождь, бурю, ненастье.
Песня серены слетела с тех уст.
Дар иль скорее проклятье?*

*Слышишь певчую птичку?
Ты слышишь певчую птичку?*

*Сладкоречивая, серебровласая,
Как луна тихая, едва ли опасная.
Но облик сей сплошное лукавство,
Ее отраженье несет лишь коварство.*

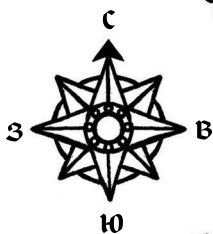
*Слышишь певчую птичку?
Ты слышишь певчую птичку?*

*Тишина и молчанье очень обманчивы,
Душу вывернет голос вкрадчивый.
Уши прикрой, не подходи
Ибо сразу умрешь, потому беги,*

*Стоит услышать певчую птичку.
Хоть раз услышать певчую птичку.*

*Отрывок из песни «Мусаи»,
которую поет Ачак*

Адилор

Эсром

Шанджари

Священный
остров

Насмешливый
туман

Долина Великанов

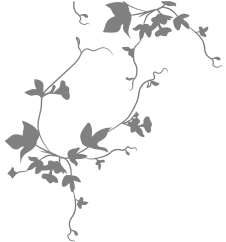
Бартер Бэй
(Буѣта Обмена)

Яману.
Королевство
воров

Море Обаси

Джабари

Лаклан

ПРОЛОГ

Три маленькие девочки играли в луже крови. Конечно же, они не осознавали, что это была кровь, как и их няня не знала, что они выскользнули из своих комнат, намереваясь найти путь в подземелья, скрытые под дворцом. С чего бы ей беспокоиться об этом? Эту часть Королевства Воров сковали цепи, место охранялось таким количеством дверей, заклинаний и звероподобных каменных стражей, что самому Королю Воров было бы трудно войти сюда незамеченным. Но, когда дело касалось любопытных детей, подобных препятствий было избежать так же легко, как пролезть через паутину... надо лишь стать достаточно маленьким, чтобы пролететь прямо сквозь нее.

Итак, три девочки нашли свой путь в недра ужаса, не подозревая об угрозах, таящихся в этих стенах, которые со слюнявыми, зубастыми ухмылками выглядывали сквозь щели. Или, если они и знали об этом, никто не чувствовал настолько сильной опасности, чтобы развернуться и уйти.

— Вот. — Ния провела окровавленным пальцем по бледному лицу младшей сестры, рисуя спиральный узор

на пухлых щеках ребенка. — Теперь ты можешь говорить.

Ларкира, которой недавно исполнилось три, хихикнула.

— Ну скажи-и-и, — подбодрила Ния. — Можешь сказать хоть слово? Говори-и-и.

— Если бы она могла, уже давно сказала бы, — заявила Арабесса, прижимая испачканные красным ладони к ночной рубашке цвета слоновой кости. Девочка довольна улыбнулась, разглядывая новый рисунок на нижней части своих юбок. Семилетняя Арабесса была самой старшей из троицы, с белой, цвета фарфора, кожей, контрастирующей с волосами, словно чернила стекающими по спине.

— О, как красиво! — Ния держала пухлую маленькую ручку Ларкиры, когда они подошли ближе к Арабессе. — Я следующая.

Найдя еще одну ярко-красного цвета лужу, которая вытекала из-под запертой стальной двери, Арабесса шлепнула руками по неподвижной жидкости. Очертания ее отражения рассеивались, пока она покрывала жидкостью каждый палец.

— Этот цвет подходит к твоим волосам, — сказала Арабесса, рисуя красные цветы на платье Нии.

— Давай раскрасим Ларк, чтобы она походила на меня.

Крайне увлеченные своей игрой, девочки не заметили особое, не скованное цепями существо, которые затаилось в тени коридора и наблюдало за происходящим. Существо более опасное и смертоносное, чем любое из зверей, запертых в проклятых клетках вокруг них, и все же Король Воров позволил ему разгуливать свободно. Вероятно, на случай подобных моментов: присматривать за теми, кто еще не мог сам позаботиться о себе. Потому что, даже если это существо и было создано во тьме, его жизнь всегда соединялась со светом.

— *Малышка довольно упитанная,* — безмолвно сказал брат своей сестре. Легко осуществимый трюк, учиты-

вая, что они были близнецами, разделяющими одно тело, и постоянно боролись за пространство в одном сознании.

— *Она еще ребенок. Все дети такие,* — ответила сестра.

— *Мы такими не были.*

— *Потому что мы никогда по-настоящему и не были детьми.*

— *Что ж, если бы нам выпала такая возможность, гарантирую, никто не посчитал бы нас пухлыми.*

В разных местах близнецов называли по-разному. Но в Адилоре они были известны просто как Ачак — древние, старейшие существа по эту сторону Забвения. Здесь они обосновались в одном на двоих человеческом теле, которое принимало облик то брата, то сестры быстрее, чем разбивающиеся волны. Близнецы были выше обычного смертного, с кожей черной, как самая глубокая часть моря, и фиолетовыми глазами, в которых вращались галактики. Их тело казалось красивым, но, как случалось с большинством прекрасных вещей в Адилоре, это прикосновение могло оказаться роковым.

Услышав радостный вопль, близнецы вновь посмотрели на сестер.

Девочки стояли в центре зала в подzemелье, где дорога разделялась на четыре пути, ведущие в бесконечные еще более запутанные коридоры. Место было темным и сырым, и едва хватало света факела, чтобы хоть чуть-чуть осветить проходы. Вот почему юный, радостный смех в такой обстановке мог смутить сильнее, чем мучительные крики запертых здесь существ.

— Умно, Ара. — Ния вскочила на ноги. — Кажется Ларк лучше украсить крапинками. А ты что думаешь? — Она обратилась к своей младшей сестре, которая сидела у их ног и играла с пепельно-белой палкой. — Хочешь выглядеть свирепой, как гепард?

Бах. Бах. Бах. Ларкира ударила палкой по каменному полу, гуля от удовольствия, когда слышала этот звук, ее белокурые локоны мерцали в свете факелов.

— Как красиво, — сказала Арабесса, вырисовывая последний круг возле уха Ларкиры. — Продолжай, Ларк. Ты можешь придумать песню о нашей церемонии рисования.

Словно отвечая на предложение сестры, Ларкира продолжала стучать прутиком, ритм звуков эхом разносился по извилистым коридорам. Похоже только Ачак поняли, что инструмент в руках Ларкиры на самом деле был ребром.

— *Эти девушки очень своеобразные*, — мысленно сказал брат своей сестре

— *Они дочери Джоанны. Своеобразие — лишь начало того, кто они есть.*

Волна печали накрыла грудь Ачак, когда древние подумали о матери девочек, их самой близкой подруге. Но когда кто-то становился таким же старым, как они, подобные эмоции были крайне быстротечными, и меланхолия исчезла так же быстро, как песчинка в песочных часах.

— *Они мне нравятся*, — подумал брат.

— *Как и мне*, — согласилась сестра.

— *Должны ли мы остановить этот гам прежде, чем они разбудят остальных в темнице и придет стражник?*

— *Боюсь, для этого слишком поздно.*

Отвратительный зловонный запах наполнил помещение, делая гниющий аромат тюрьмы еще более ярким.

— Какая гадость. — Арабесса помахала рукой перед носом. — Что за десерт ты стащила после ужина, Ния?

— Это не я. — Ния обиженно вздернула подбородок. — Наверное, Ларкира испачкала подгузник.

Девочки посмотрели вниз на свою улыбающуюся младшую сестру, которая все еще хлопала ребром по полу, прежде чем снова взглянуть друг на друга.

— Кто из птиц последним будет, тот крыло свое погубит! — закричали они в унисон.

— Я первая, — поспешила объявить Ния. — Ты переодеваешь ее.

— Мы сказали одновременно.

— Если под «одновременно» ты имеешь в виду, что я была немного быстрее, чем... — Рев прокатился по пещере, застигнув обеих сестер врасплох. — Что это было? — Ния повернулась, оглядывая множество затемненных залов.

— Что бы это ни было, звук кажется совсем не радостным. — Арабесса присела на корточки перед Ларкирой и погладила руку своей младшей сестры, тем самым пытаясь остановить игру. — Тихо, Ларк. Думаю, время игр закончилось.

В ответ Ларкира подняла на сестер широко раскрытые голубые глаза. Большинство детей ее возраста уже разговаривали, но с тех пор как Ларк закричала при рождении — событие, изменившее их жизни, — впоследствии она редко издавала хотя бы звук. Девочки уже привыкли к безмолвию своей младшей сестры, они знали, что, несмотря на молчание, она многое понимает.

Еще одно рычание, сопровождаемое глухим стуком дожины тяжелых шагов, эхом донеслось до них; зверь вырвался из тени прохода слева.

Сестры хором ахнули.

Чудовище казалось таким огромным, что, приближаясь, было вынуждено пригнуть голову, его спутанный мех царапал скалистые стены. Могло показаться, что это гигантская, покрытая грязью собака, вот только у существа было столько же глаз, сколько у паука, и гораздо больше лап, чем у собаки.

Толстые волосатые лапы качнулись вперед, и на концах показались щупальца, похожие на щупальца осьминога. Из-за такого сочетания его движения казались лихорадочными взмахами голодных конечностей, и с каждым шагом щупальца присасывались к поверхности коридора, подмечая запахи и ароматы того, что лежало на его пути. И если вдруг что-то оказывалось на пути монстра, он быстро, с хлопком, захватывал препятствие, а затем отправлял в острую, как бритва, пасть и проглатывал.

Скилос лак являлся всего лишь одним из многих мерзких охранников тюрьмы, которые преклоняли колени